

© Ю.В. ЛАРИН

jvlarin@mail.ru

УДК 165

ПРОБЛЕМА ИСТИННОСТИ ТЕОРИЙ ИСТИНЫ

АННОТАЦИЯ. Исходя из трактовки процесса познания как реализации сущностных сил человека, представлено решение проблемы соотношения основных теорий истины. В структуре существующей реальности различается «четыре мира»: материальный мир; мир, сотворенный посредством реализации человеческой воли; мир, сотворенный посредством реализации человеческого чувства; мир, сотворенный посредством реализации человеческого разума. Каждый последующий из них вырастает на основе предыдущего, но не над и не вне, а внутри его, располагая по сравнению с ним своим собственным и специфическим содержанием. В горизонте «каскада рефлексий» относительно данных миров истина обнаруживает себя как единство многообразных определений, каждое из которых с необходимостью входит в ее содержание в качестве ее собственного внутреннего момента. В результате, всякая неклассическая теория истины может быть понята в качестве ее частной теории, в то время как теория корреспонденции — в качестве общей теории истины.

SUMMARY. Proceeding from interpretation of cognition process as implementation of ontological human power, a decision of the problem of fundamental truth theories ratio is presented. The structure of self-given entity comprises «four worlds»: the material world; the world, created by human will realization; the world, created by human sense realization; the world, created by human reason realization. Each of them following the other one grows on the basis of the preceding one, however, not above and not outside, but inside it, disposing, if compared with the previous world, of its own specific content. In the horizon of «reflection cascades» relative to these worlds the truth reveals itself as unity of diversified definitions, each of them with necessity entering to the truth's content as its own inner moment. As a result, any non-classical truth theory may be understood as its sub theory, whereas the theory of correspondence as a general theory of truth.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Теории истины, сущностные силы человека, «онтология миров», рефлексия.

KEY WORDS. The truth theory, ontological human power, «ontology of the worlds», reflection.

В современных исследованиях по эпистемологии и философии науки вполне зримым образом обнаруживает себя то обстоятельство, что решение многих уже имеющихся и вновь возникающих в этой области проблем все более и более требует настоятельной необходимости прояснения конструктивного потенциала, казалось бы, давно детально проработанного и утратившего свою полезность понятия «истина».

Очевидно, суть дела здесь не в какой-то антропологической склонности к подражанию известному библейскому персонажу. И далеко не в том, что, «познавая истину, мы в то же время закрываем и забываем ее» [1; 34]. И даже, — что было бы, конечно, более серьезно, — не в том, что несмотря на довольно значительное множество теорий истины, сложившихся за более чем двухтысячелетнее развитие философии, — корреспондентной, когерентной, прагматической, конвенциалистской, аксиологической и т.д., — тем не менее, «начальное существо истины», может быть оценено, если следовать строгому критерию М. Хайдеггера, лишь как «покоящееся еще в своем потаенном начале» [2; 361].

Куда более существенно и значимо то, что современная проблематизация истины сосредоточивается вокруг оценки истинности самих теорий истины.

Исследователи, явно тяготеющие к той или иной разновидности дефляционизма, акцентируя внимание на абстрактности и малопродуктивности наличествующих в настоящее время теорий истины, наделяют само понятие «истина» признаками периферийности, маргинальности, методологической исчерпанности, обосновывают, так или иначе, идею отказа от него и замены каким-либо другим, «более конструктивным» по своему потенциалу, понятием. Согласно Л.А. Марковой, «нечеткость границы между классикой — неклассикой, истиной — ложью, субъектом — предметом приводит к понятию «смысл», который присутствует в каждой из сторон противостояния», и, будучи «нейтрален к истине и лжи», тем самым «нивелирует их противоположность» [3; 52, 54]. Еще более радикальны рассуждения А.П. Огурцова, состоящие в том, что «отказ от идеи истины позволяет избавиться как от квазитеологических допущений в теории науки — от допущения “абсолютной истины” и ее единственности (независимо от того, трактуется ли она как недостижимый трансцендентальный идеал или как что-то вполне достижимое), так и от релятивизма, настаивая на том, что любая рациональная научная теория содержит в себе ошибочные моменты, объясняемые социально-историческим, культурным и биографическим контекстом» [4; 64].

Правда, большинство мыслителей придерживается в этом отношении традиционной точки зрения, согласно которой «категория истины — центральное понятие гносеологии». Однако и здесь вполне отчетливо фиксируется существенно заостренный разброс позиций, связанных с оценкой истинности того или иного ее концептуального представления.

Довольно значительная их часть единственно истинной теорией истины считает корреспондентную теорию, берущую свое начало еще в трудах Аристотеля и именуемую «классической», по сравнению с которой все другие — «неклассические» — ее теории квалифицируются как отягощенные теми или иными «пороками субъективизма» [5; 57, 74-76]. В последнее время наиболее содержательная проработка данной позиции предпринята Г.Д. Левиным, детально проанализировавшим практически все затруднения, с которыми ей приходится сталкиваться в своем последовательном проведении [6].

В свою очередь, мыслители, приверженные «неклассической» теории истины, менее всего легковесны в отстаивании изначального первородства и демонстрации исключительных эвристических возможностей разделяемой ими позиции.

У. Джеймс, например, неизменно и достаточно категорично подчеркивал, что гипостазированное корреспондентной теорией понятие «объективная истина»,

является «голым именем», «чистой абстракцией», уводящей в «мир бесплодных схем», в то время как «истина», понятая вслед за Сократом и, кстати, тем же Аристотелем с позиции прагматизма в качестве «разновидности благого» и, следовательно, «родового названия для всех видов определенных рабочих ценностей в опыте», как раз и вводит познающего ее человека в «богатый и разнообразный мир конкретной действительности» [7].

Аналогичным образом сторонники когерентной теории истины, возводя ее истоки аж к Пармениду, не менее склонны трактовать разделяемую лишь ими позицию как более фундаментальную и основательную, по отношению к которой все другие теории истины могут быть поняты не столько в качестве хотя бы относительно равноценных, сколько, в лучшем случае, в качестве производных от нее. «Я, — писал, в частности, Д. Дэвидсон, — отстаиваю то, что может быть названо когерентной теорией истины и познания, и успех моего тезиса, связанного с такой теорией, — которая вовсе не является альтернативой корреспондентной теории, — зависит от аргумента, предназначенного выявить, каким образом связность есть одновременно и соответствие» [8; 245].

Хотя, по далеко не ироничному признанию другого и не менее авторитетного методолога и историка науки И. Стюарта, «никто из нас не знает, *почему* красота есть истина, а истина — красота» и все, что в этом отношении «нам остается, — это созерцать бесконечное разнообразие их взаимоотношений» [9], в русле все более явственного утверждения нового, — «постнеклассического», — типа научной рациональности [10], дополнительный импульс, по всей видимости, получает ассоциируемая в своих истоках с Платоном аксиологическая теория истины, поскольку обязательной методологической процедурой современной науки становится не только учет соотношенности получаемых ею знаний об объекте с особенностью используемых средств и операций деятельности с ним, — необходимость чего, заметим, в свое время как раз и была реально уловлена прагматизмом, — но и рефлексия относительно явно или неявно коренящихся внутри ее ценностно-целевых структур. «Цель научного предприятия — объективная истина — не достижима без ценностного выбора, благодаря которому предметные свойства объекта обретают осмысленное значение, становятся действительным предметом познания. Таким образом, — констатирует В.Ю. Яковлев, — истина не может быть выражена сугубо рациональными логико-методологическими средствами научной теории, но является процессом, в котором происходит выделение предмета познания с помощью ценностно-осмысленных процедур понимания, благодаря которым объективные свойства и факты “как вещь в себе” “творяются” субъектом в идеальной (категориальной) форме как “вещь для нас”». [11; 54]. В этом контексте более утонченный облик приобретает и интерпретация самого принципа объективности как научно-познавательной ценности [12].

В самом начале 90-х гг. минувшего столетия вполне оригинальный подход в этом отношении был предложен Л.А. Микешиной, согласно которому разработанные мировой философской мыслью теории истины должны рассматриваться не в противостоянии, а «во взаимодействии, поскольку они носят комплементарный характер, по сути, не отрицая друг друга, а выражая гносеологический, семантический, эпистемологический и социокультурный аспекты истинного знания» [13; 78]. В последнее время идея «комплементарного согла-

сия» как непреложного требования «особой рациональности» современности прорабатывается А.В. Павловым [14].

Таковы, если отвлечься от деталей и нюансов, сложившиеся концептуальные подходы к проблематике, связанной с оценкой истинности основных теорий истины: первый, призывая к «отказу от истины», тем самым элиминирует как сколько-нибудь серьезную всякую претензию какой-либо из существующих теорий истины на статус истинности; второй исходит из представления о возможной истинности одной и только одной из них; третий рассматривает любую теорию истины как принципиально невозможную в статусе единственно истинной, но, вместе с тем, допускает возможный статус частичной истинности для каждой из них.

Какова же, — как бы это парадоксально не звучало, — мера истинности самих этих подходов? Каковы здесь критерии предпочтения того или иного в качестве единственно истинного или более истинного по сравнению с другими?

Будучи существенно разнящимися, данные концептуальные подходы, взятые в одном и том же отношении, конечно же, в принципе не могут быть в одинаковой мере истинными, но в то же время, по-видимому, ни один из них заведомо не может быть квалифицирован и как абсолютно ложный. Более того, относительно каждого вполне допустимо полагать возможность фиксации, пусть не всегда, может быть, в адекватной форме, некоторого определенного «момента истины», который может быть выявлен, осмыслен в качестве рационального и в своем позитивном содержании удержан, но, разумеется, уже не с позиции и средств породившей его той или иной теории истины в том виде как она есть, а с позиции более емкой и глубокой по своему методологическому потенциалу, по большому счету, — с позиции системно-синтетического подхода.

Насколько, однако, реально движение в этом направлении? Каковы на этом пути действительные трудности и препятствия? Каковы те вехи, которые можно было бы здесь, если не расставить, то хотя бы наметить?

Вполне очевидно, что заявленный в качестве искомого подход избавляет от весьма неприятной ситуации «порочного круга», связанной с обоснованием истинности той или иной теории истины средствами самой этой теории как истинной, исходя из разработанного в ее пределах представления об истинности, но не избавляет, — во всяком случае, пока, — от так называемого «регресса в бесконечность», требующего каждый раз, как только то или иное искомое системно-синтетическое представление относительно истинности существующих теорий истины будет достигнуто, предпринимать данную методологическую процедуру вновь и вновь уже с включением самого этого представления в качестве существующего в предметное поле рассмотрения с целью разработки еще более емкого системно-синтетического представления. Для преодоления этой методологической ловушки совершенно недостаточно выхода только лишь за пределы существующих теорий истины, здесь необходим уже выход за пределы самих «таинственных и пленительных чертогов» истины как таковой, в которых она пребывает как предоставленная исключительно самой себе посредством себя самой.

Возможно ли в принципе осуществление столь радикального прорыва? Имеется ли здесь сколько-нибудь методологически корректное решение? На-

сколько вообще может быть мыслимо проникновение в «тайну истины» посредством, так сказать, бегства из ее плена?

На самом деле всякая сколько-нибудь действительная «тайна истины» кроется, конечно же, не в самой истине. В конечном счете, она коренится в «тайне самого человека» ее познающего [15; 110]. Поскольку, в отличие от любого другого живого существа, «ни природа в объективном смысле, ни природа в субъективном смысле непосредственно не дана человеческому существу адекватным образом» [16; 164], эта тайна — в способе его бытия в мире. Человек не есть только лишь гносеологический субъект, некое где-то вне мира ютящееся существо. Человек познает мир в той мере, в какой, осваивая его, утверждает свое бытие в нем. Проблематизация истины — это, и «в конечном счете», и «в первую очередь», проблематизация самого бытия человека. Поэтому, любое сколько-нибудь взвешенное здесь рассмотрение предполагает проработку целого ряда фундаментальных проблем, связанных с выявлением места истины в системе средств осуществления им своего бытия в мире.

Каково же оно, это самое место?

Человек — достаточно многообразное в своих проявлениях сущее. Как таковое, он осуществляет свое бытие в мире посредством реализации целой совокупности своих сущностных сил, каждая из которых, будучи направлена на освоение мира, получает смысл и истоки не в самой себе, в самоизолированности от других, но лишь в своем органическом единстве с ними, обеспечивая тем самым возможность бытия человека в качестве целостного существа.

Сущностные силы человека — это, конечно же, силы самой человеческой сущности, деятельные формы ее проявления. Каждая из них, взятая в своей специфике, — присущий ей особый способ этого проявления, или, как более емко формулировал К. Маркс, «своеобразие каждой сущностной силы это как раз ее своеобразная сущность, следовательно и своеобразный способ ее опредмечивания, ее предметно-действительного, живого бытия» [16; 121].

Спецификация сущностных сил человека, стало быть, самым прямым и непосредственным образом зависит от той или иной интерпретации его сущности.

Понятно, что всякое, вполне объяснимое в своей естественной трепетности, погружение во «внутренние глубины человеческой сущности», если и может претендовать на какой-либо «исчерпывающий» и «окончательный» в этом отношении результат, то только лишь в силу своей неумной и слабо отрефлексированной претенциозности [17; 72]. Уже сам факт наличия практически необозримого множества имеющихся трактовок сущности человека — недвусмысленное указание на то, что она менее всего может быть понята как нечто однозначное и простое. Если это действительно так, то тем более допустимо полагать, что сущность человека — системно сложное в своем органическом единстве целое. Во-первых, поскольку человек — далеко, конечно же, не ангел, но и отнюдь не животное, она может быть представлена в качестве системы «материальное — духовное». В своем исходном субстанциональном определении человек есть единство материального и духовного. Во-вторых, поскольку каждый из этих сущностных компонентов внутри себя дифференцирован на составляющие его элементы, каждый из которых, в свою очередь, вполне определенно соотносится с соответствующим ему элементом другого сущностного компонента, она может быть представлена в качестве системы, состоящей из трех

основных уровней, или подсистем: «витально-волевой»; «астрально-чувственной»; «ментально-разумной» [18].

Исходя из этого, могут быть выявлены основные сущностные силы человека, каждая из которых направлена на освоение им мира в присущей для нее форме.

Специфика материально-практической сущностной силы заключается в том, что в ней, при относительно определяющей роли материального компонента, среди составляющих ее подсистем конституирующей является витально-волевая подсистема, в то время как и астрально-чувственная, и ментально-разумная подчинены ей и зависимы от нее. Своим непосредственным образом реализация данной сущностной силы направлена на освоение материального мира, результатом чего является практически-данный человеку мир в модусах блага и справедливости.

Специфика практически-духовной, или, как ее еще иногда обозначают, ценностно-ориентационной, сущностной силы заключается в том, что в ней, при паритетном соотношении материального и духовного компонентов, среди составляющих ее подсистем конституирующей является астрально-чувственная подсистема, в то время как и витально-волевая, и ментально-разумная подчинены ей и зависимы от нее. Своим непосредственным образом реализация данной сущностной силы направлена на освоение практически-данного мира, результатом чего является ценностно-данный человеку мир в модусах добра и красоты.

Специфика духовно-теоретической, или познавательной, сущностной силы заключается в том, что в ней, при относительно определяющей роли духовного компонента, среди составляющих ее подсистем конституирующей является ментально-разумная подсистема, в то время как и витально-волевая, и астрально-чувственная подчинены ей и зависимы от нее. Своим непосредственным образом реализация данной сущностной силы направлена на освоение ценностно-данного мира, результатом чего является теоретически-данный человеку мир в модусе истины.

Таким образом, вырисовывается своеобразная «онтология миров», причем, несколько более сложная в своей системной целостности, нежели та, каковая в свое время была постулирована с позиции «наивного реализма» К. Поппером в его знаменитой концепции «трех миров», различавшей в качестве самостоятельных друг относительно друга «мир физических объектов или физических состояний», «мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний, и, возможно, диспозиций к действию» и «мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства» [19, 439-440]. На самом же деле, отнюдь не беспредпосылочно, но, исходя из единого и вполне надежного, — во всяком случае, ничуть не отягощенного тенетами гносеологической созерцательности, — основания, различаются, как минимум, четыре таких «мира»: материальный мир; практически-данный мир; ценностно-данный мир; теоретически-данный мир, из которых каждый последующий вырастает на основе предыдущего, но не над ним, и не вне, а внутри его, располагая по сравнению с ним своим собственным специфическим содержанием.

Если воспользоваться здесь, может быть, чересчур произвольной аналогией, данное представление скорее созвучно хайдеггеровской градации основных

ступеней многотрудного, не без «противления», «требующего высшего терпения и усилия», порой даже на грани собственной «погибели» движения к истине как непотаенности, или алетейи, в зависимости от того или иного «местопребывания» человека: непотаенное в качестве своей собственной «тени» — непотаенное в качестве «более непотаенного» — непотаенное в качестве «непотаннейшего» — непотаенное в качестве «постоянно преодолевающего ту или иную потаенность потаенного» [2; 345-361]. Заметим, в этой, весьма изящной интерпретации платоновской «притчи о пещере» истина, несомненно, «временится», поскольку не дана сразу в полном и готовом виде, тем более, непосредственно. Но далеко не тривиально, что истина в своей интенциональности еще и позиционируется, т.е. не переставая быть сама собой, она разнообразится, причем, не только количественно — по степени, но и качественно — по формам своего проявления, каждая из которых достаточно жестко координирована относительно той или иной ступени достигнутой человеком в готовности ее постижения.

Сколь вроде бы отвлеченными и метафорически нагруженными не казались данные соображения, тем не менее, в облакающем их смысловом контексте вполне явственно просвечивает реальный лик искомого решения рассматриваемой проблемы.

Действительно, поскольку, в отличие от материально-практической формы освоения, имеющей дело непосредственно с самим материальным миром, и в отличие от практически-духовной формы освоения, имеющей дело уже с практически-данным миром и соприкасающейся с материальным миром опосредованно через результаты практики, духовно-теоретическая форма освоения находится по отношению к материальному миру в двойном, — практическом и ценностном, — опосредствовании, с необходимостью следует, что истина выступает в системе осуществления человеком своего бытия как единство многообразных, — опосредованных нижележащими формами освоения им мира, — определений. Стало быть, каждое из этих определений как «снятое» на духовно-теоретическом уровне неизбежно входит в содержание истины в качестве ее собственного внутреннего момента: и благо, и справедливость, и добро, и красота. В этом свете теория когеренции истины может быть рационально понята как рефлексия наших знаний относительно содержания теоретически-данного человеку мира, аксиологическая теория истины — как рефлексия наших знаний относительно содержания ценностно-данного человеку мира, прагматическая теория истины — как рефлексия наших знаний относительно содержания практически-данного человеку мира, теория корреспонденции истины — как рефлексия наших знаний относительно содержания самого материального мира.

Каждая последующая из этих рефлексий, взятая в присущем ей отношении к материальному миру, является более радикальной, более основательной, более глубокой и содержательной, чем предыдущая, поскольку не только преодолевает присущие ей границы, но и диалектически удерживает ее позитивное наполнение.

Истина — единство многообразного. Всякая претендующая на статус истинности теория истины должна быть, как минимум, валидна внутреннему богатству ее содержания. Поэтому любая ее неклассическая теория, взятая лишь сама по себе, в ее одноступенчатой рефлексивности, с необходимостью пред-

стает как «малопродуктивная» в своей единичной конкретности. В свою очередь, классическая теория истины, взятая непосредственно в ее традиционной трактовке, т.е. вне и помимо таящейся в ней многоуровневой рефлексивности, с необходимостью предстает как «бессодержательная» в своей абстрактной всеобщности. Явная или неявная абсолютизация той и/или другой превращенной формы представления истины — питательная почва для различного рода ее дефляционистских теорий. Вместе с тем, было бы не менее ошибочно квалифицировать наличествующие теории истины как нечто абсолютно противоположное друг другу, среди которых лишь какая-то одна должна считаться единственно истинной в противостоянии всем остальным, поскольку в таком случае утрачивается всякая возможность выявления действительно заключенного в них, включая и ее самую, реального позитивного содержания. Вряд ли будет адекватным трактовать соотношение между ними и с позиций комплементарности, или взаимодополнительности, поскольку столь, казалось бы, вполне уместное в духе толерантности изволение множества рядоположенных равно одинаковых в своей «аспектной» истинности теорий истины ведет к утрате сколько-нибудь надежного основания для выявления действительного места и специфической роли каждой из них в целостном представлении содержания самой истины.

Взятая в своей собственной определенности, всякая неклассическая теория истины, несомненно, будучи концептуальной проработкой одного из моментов целостного содержания истины, в горизонте присущей ей рефлексии может быть понята как не менее истинная, нежели любая другая такая же теория. Взятая же в горизонте «каскада рефлексий» как многоступенчатой методологической процедуры, каждая из них по своему статусу является не более чем теорией частного уровня, по отношению к которой теория корреспонденции истины, понятая именно как системно-целостное представление всего многообразного содержания истины, выступает в своей возможной и действительной конкретной всеобщности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гадамер Х.-Г. Что есть ИСТИНА? // Логос. Философско-литературный журнал. 1991. Выпуск № 1. С. 30-37.
2. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
3. Маркова Л.А. Перспектива науки: смысл как альтернатива истине // Эпистемология и философия науки. 2009. № 4. С. 48-56.
4. Огурцов А.П. Альтернатива истине: смысл или правдоподобие? // Эпистемология и философия науки. 2009. № 4. С. 61-65.
5. Селиванов Ф.А. Благо, истина, связь. Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2008. 260 с.
6. Левин Г.Д. Истина и рациональность. М.: Канон+, 2011. 224 с.
7. Джеймс, У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: Популярные лекции по философии. М.: ЛКИ, 2011. 240 с.
8. Дэвидсон, Д. Когерентная теория истины и познания // Метафизические исследования. Вып. 11. СПб.: Алетейя, 1999. С. 245-260.
9. Стюарт Иэн. Истина и красота. Всемирная история симметрии. М.: Астрель, 2010. 464 с.
10. Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 5-17.
11. Яковлев, В.Ю. Принцип объективности и ценности научного познания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 87. С. 49-59.

12. Еремин А.И., Яркова Е.Н. Объективность как элемент научной культуры // *Философия науки*. 2012. № 2. С. 3-15.
13. Микешина Л.А. Современная проблематизация вечной темы // *Философские науки*. 1990. № 10. С. 77-83.
14. Павлов А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерий современности // *Социум и власть*. 2013. № 1. С. 5-15.
15. Полищук В.И. Общекультурная роль познания // *Вестник Ишимского государственного педагогического института им. П.П. Ершова*. 2012. № 1 (3). Серия «Культурология и философия». С. 109-113.
16. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // *К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч. Т. 42. С. 41-174.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.
18. Ларин Ю.В. Сущность человека как система // *Проблемы философии, права и государства: Сб. науч. статей. Вып. 2*. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 2003. С. 31-37.
19. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

REFERENCES

1. Gadamer, H.G. What is TRUTH? *Logos. Filosofsko-literaturnyj zhurnal — Logos. Philosophic-literary magazine*. 1991. № 1. Pp. 30-37. (in Russian).
2. Heidegger, M. *Vremja i bytie: Stat'i i vystuplenija* [Being and Time: Articles and declarations]. Moscow, 1993. 447 p. (in Russian).
3. Markova, L.A. Science perspective: sense as an alternative to truth. *Jepistemologija i filosofija nauki — Epistemology and philosophy of science*. 2009. № 4. Pp. 48-56. (in Russian).
4. Ogurcov, A.P. Alternative to truth: sense or truthlikeness? *Jepistemologija i filosofija nauki — Epistemology and philosophy of science*. 2009. № 4. Pp. 61-65. (in Russian).
5. Selivanov, F.A. *Blago, istina, svjaz'* [Benefit, truth, relation]. Tyumen, 2008. 260 p. (in Russian).
6. Levin, G.D. *Istina i racional'nost'* [Truth and Rationality]. Moscow, 2011. 224 p. (in Russian).
7. James, W. *Pragmatizm: novoe nazvanie dlja nekotoryh staryh metodov myshlenija: Populjarnye lekcii po filosofii* [Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking: Popular lectures on philosophy]. Moscow, 2011. 240 p. (in Russian).
8. Davidson, D. Coherent Theory of Truth and Cognition. *Metafizicheskie issledovanija — Metaphysical studies*. 1999. Issue 11. Pp. 245-260. (in Russian).
9. Stewart, I. *Istina i krasota. Vsemirnaja istorija simmetrii* [Why Beauty Is Truth: A History of Symmetry]. Moscow, 2010. 464 p. (in Russian).
10. Stepin, V.S. Self-developing Systems and Post Non-classical Rationality. *Voprosy filosofii — Philosophical magazine*. 2003. № 8. Pp. 5-17. (in Russian).
11. Jakovlev, V.Ju. The principle of Objectivity and Value of Scientific Cognition // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena — Bulletin of A.I. Hertsen Russian State Teacher's University*. 2009. № 87. Pp. 49-59. (in Russian).
12. Eremin, A.I. Objectivity as an Element of Scientific Culture. *Filosofija nauki — Philosophy of Science*. 2012. № 2. Pp. 3-15. (in Russian).
13. Mikeschina, L.A. Contemporary Problematization of Perpetual Theme. *Filosofija nauki — Philosophy of Science*. 1990. № 10. Pp. 77-83. (in Russian).
14. Pavlov, A.V. Notes on Contemporaneity and Subjectiveness. Contemporaneity criterion. *Socium i vlast' — Society and Power*. 2013. № 1. Pp. 5-15. (in Russian).
15. Polishhuk, V.I. The common cultural role of cognition. *Vestnik Ishimskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. P.P. Ershova — Bulletin of P.P. Ershov*

Ishim State Teacher's Institute. 2012. № 1(3). Series «Culturology and Philosophy». Pp. 109-113. (in Russian).

16. Marx, K. Economic and Philosophic Manuscripts of 1844 // K. Marx and F. Engels. *Sochinenija* [Collected works]. Vol. 42. Pp. 41-174. (in Russian).

17. Jaspers, K. *Smysl i naznachenie istorii* [The Origin and Goal of History]. Moscow, 1991. 527 p. (in Russian).

18. Larin, Ju.V. Character of a person as a system. *Problemy filosofii, prava i gosudarstva: Sb. nauch. statej. Vyp. 2* [Problems of Philosophy, Law and the State: Collection of scientific articles. Issue 2]. Tyumen, 2003. Pp. 31-37. (in Russian).

19. Popper, K. *Logika i rost nauchnogo znanija* [The Logic of Scientific Discovery]. Moscow, 1983. 605 p. (in Russian).